

Кабак как особое пространство в структуре конфликта

Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь! (Даль 1998, т. 2: 166).

Несколько слов следует сказать и о роли кабака в деревенском конфликте. Роль эта была двойственной: с одной стороны, кабак был одним из традиционных мест для примирения, где, в частности, могло происходить «примирение на вине», а с другой — именно там начинались многие ссоры. В значительной степени это объясняется особым статусом кабака в деревне. Там «отменялись» как многие повседневные конвенции поведения, так и нормы взаимодействия в соответствии с обычным правом: «...в кабаке очень часто происходят драки, потому что там им никто не запрещает. В кабаке можно бить кого угодно... <...> Кабак — такое место, где всё разрешается и никакие безобразия не наказываются» (АРЭМ. Д. 1103. Л. 15).⁴⁴ При этом кабак был преимущественно, хотя и не исключительно, местом для мужчин, так что та роль женщин, которую они часто выполняли, например, в общедеревенских драках, «разная» дерущихся или вообще предупреждая начало конфликта, практически сводилась на нет. Кроме того, в первую очередь именно в кабаке, где пили помногу и коллективно, значимость повода ссоры, и так нередко воспринимаемого как мелочный, незначительный, могла уменьшиться еще больше — в определенном смысле ссоры в кабаке часто были ссорами не «по поводу», а «в состоянии».

Как уже было сказано, кабак был местом публичным, любое сделанное там замечание принималось близко к сердцу: «...чем многолюдней общество, тем упрек считается сильнее, а потому упрек, высказанный на сходе, в кабаке, на свадьбе, не прощается» (там же. Д. 1139. Л. 19–20).

Судя по некоторым нашим материалам, можно говорить о том, что в кабаке существовала и особая «уравнительная этика» отношений, видимо, обусловленная и этим общим для всех «состоянием»: «...в кабаке... все равны, чинов не полагается» (там же. Д. 1103. Л. 15). Так что в целом, даже если считать некоторым риторическим преувеличением утверждение о том, что «мужик готов променять в первом кабаке на стакан водки и тот смутный отрывок правово-

⁴⁴ Одним из характерных признаков «инаковости» кабака было то, что здесь могли не снимать шапок: «Григорий, дядя Сысой и другие вошли наконец в кабак и, не снимая шапок, как это принято в таких местах, уселись рядышком в углу на лавке» (Григорович 1981: 73; см. также: АРЭМ. Д. 910. Л. 23).

го представления и чувства, который в нем выработан природой и преданием» (Ефименко 1884: 174), все же следует признать, что кабак был местом, где обстановка больше располагала к ссорам и дракам.

В свете всего сказанного выше становится понятным, почему в деревенской культуре выяснение отношений в кабаке считалось приемлемым, а на кабацкие ссоры и драки смотрели по-иному, чем на те, что случались за его пределами. Например, в кабаке могли сводить счеты с однодеревенцем или даже устроить месть тому или иному сельскому начальнику за причиненную несправедливость. Например, муж, желая отомстить любовнику жены, «подговаривает одного или двух из соседних знакомых ему мужчин, и тогда ищут удобного случая, где отколотить этого оболстителя, чаще всего излавливают этих молодцов на свадьбах или в кабаке» (АРЭМ. Д. 1193. Л. 14); «Если крестьянин сердит на сельского старосту, или на урядника, или на старшину, то он старается заманить его в кабак, где с ним и расправляется кулачной расправой» (там же. Д. 1103. Л. 15). «Общество» оказывается на стороне крестьянина и не принимает жалобы потерпевшего.

Как видно из приведенных выше примеров, помимо кабака выяснить отношения можно было и в других местах или ситуациях (на базаре, на свадьбе), однако чаще всего это происходило именно в кабаке. Для нас важно не столько то, какие альтернативы кабаку существовали в деревенской культуре, сколько то, что ему противопоставлялось, — те инстанции крестьянского правосудия, которые мы рассматривали выше и в которых подобное проявление конфликтности было запрещено: «...обычным местом ссор и драк крестьян является место около кабаков и трактиров... При волостных сходах разговоры очень часто становятся крупными, но до драки дело никогда не доходит» (там же. Д. 1405. Л. 10). Тем более значимо то, что кабак, подобно сельскому сходу или волостному суду, мог служить и местом примирения: «...в кабаке много драк возникает, но не меньше того и мировых, так что входят в кабак врагами, а оттуда возвращаются друзьями после распитого магарыча» (там же. Д. 1139. Л. 19–20).

Формальная процедура примирения часто заканчивалась в кабаке, сюда спорщики приходили после суда для «оформления» своего согласия: «...по убеждению судей, спорящие помирились, с тем чтобы Девятов заплатил истцу 1 руб. и поклонился ему в ноги. [Судья:] Ну, кланяйся в ноги, и айда в кабак» (Богаевский 1889: 10–13). На этом, как правило, настаивали так называемые крестьянские адвокаты, которых крестьяне, неискушенные в вопросах судопроизводства, специально нанимали для ведения судебных дел и которые старались урвать как можно больше со своих «клиентов», включая выпивку: «аблакаты <...> поваживают нас [крестьян. —

А. К.] в кабаке, потому что прошения писать и дела обсуждать без винца нельзя» (Горбунов 1881: 34; см. также: Н. Д. 1901: 403). Чтобы несколько смягчить последствия такого пьянства («Суд-то наш ничего, да кабаков слишком много развелось» (Зарудный 1874: 172)), в некоторых местах предписывалось ставить кабаки в стороне от волостного правления (напр., на расстоянии «40 сажень»), «чтобы мужик не напивался сразу же» (Энгельгардт 1999: 47). Впрочем, кабатчик, как староста или священник, мог иногда выступать в качестве примирителя тяжущихся: «...голос кабатчика... очень авторитетен, несравненно авторитетнее, чем голос местного начальства и полиции. Кабатчик же бывает нередко и третейским судьей между крестьянами» (АРЭМ. Д. 1405. Л. 13).

Приведенный выше краткий обзор «кабацких» практик, относящихся к повседневным ссорам, позволяет сделать вывод о том, что кабаки представляли собой особое коммуникативное пространство, в котором сходились начальная и конечная стадии конфликтного цикла — от ссоры до примирения. Рассмотренный обычай «примирения на вине» является примером трансформации конфликта в обряд, хотя и достаточно простой в смысле отсутствия развернутого обрядового текста, распределения обрядовых ролей и т. п. Вообще ритуальная сторона примирения у восточных славян, судя по тому, что нам удалось найти, представлена крайне скудно, по крайней мере во второй половине XIX века. Лишь изредка встречаются отдельные упоминания ритуализованных действий, да и то либо являющихся «цитатами» других ритуальных текстов, прежде всего церковных, либо очевидно окказиональных: «Станьте на коленки... и помолитесь, чтобы не драться...» (Фаресов 1906: 21–22); ««Миритесь, целуйте икону, кто может, а кто не может, подписку давай: „Будь я подлец, если старую драку затею...“ Идите теперь в гости друг к другу и обнимайтесь при мне» (там же: 20).⁴⁵

⁴⁵ Вспомним хорошо известный пример о попытке примирить Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: «...судья... занял место городничего и, потянувши носом с верхней губы весь табак, отпихнул Ивана Ивановича в другую сторону. В Миргороде это обыкновенный способ примирения. Он несколько похож на игру в мячик» (Гоголь 1937: 272), — современные нам «ритуалы» примирения, в основном детские, предполагающие произнесение фраз типа: «Мирись, мирись, мирись // и больше не дерись! // А если будешь драться, // Я буду кусаться. // А кусаться ни при чем, // буду драться кирпичем. // А кирпич не нужен, // Лучше мы подружим» (Детский поэтический фольклор 1997: 322, № 1230. Мирилка), — а также нередко определенные действия: «Если поссоришься, то надо сказать „бом“ или „бим“, взявшись мизинцем своим за мизинец другого. Если ты скажешь „бим“, а второй (ая) скажет „бом“, то снова будет раздор» (ПА, пос. Вышевичи, Житомирская обл.).

В более ранние времена, согласно Саксону Грамматику и Датчанину Мерзербургу, у славян существовал ритуал заключения мира: «...они или бросали камень в море, вероятно, как знак окончания или прекращения всего начатого, или клали оружие и золото к ногам идола, или подавали руку к бывшим неприятелям, вручали им клочок волос своих вместе с горстью травы и тем совершали клятву мира» (Макаров 1828: 189–190). По утверждению автора, «и поныне простолоудин, заключая мировую, если находится близ воды, иногда поднимая камень, бросает его в воду и говорит: „Быть так: вси беси в воду, да и пузырья в верх!“» (там же). Согласен с ним и другой историк обычного права: «Когда славяне заключали мир, то предводители враждующих сторон бросали камень в море: камень — как орудие борьбы, а бросание в море — как полное, безвозвратное уничтожение вражды, невозможность вторичного ее возникновения» (Кулишер 1887: 112–113).⁴⁶ Что же касается южнославянского ареала, где и сам конфликт часто разворачивался по определенному сценарию (например, в случае кровной мести), существовали особые, детально расписанные ритуалы примирения, исследование которых, впрочем, выходит за рамки данной работы.⁴⁷

Итак, мы рассмотрели наиболее характерные аспекты деревенской системы примирения, куда входили общераспространенные инстанции крестьянского судопроизводства (семейные советы, староста (с добросовестными), суд соседей, третейский суд, суд стариков, сельский сход, волостной суд) и ряд инстанций окказионального характера, список которых, по-видимому, открыт и может быть пополнен материалами различных локальных традиций. Вопреки тому, что последние инстанции, на первый взгляд, пред-

Что касается детской культуры конфликта, приведем еще один любопытный текст — описание игры, воспитывающей неконфликтную реакцию на обиду: «Из деревенских игр <...> желаю обратить внимание на игру „Не осердись“. Дело в том, что мальчики без счету нахлобучивают один другому шапку на глаза и говорят: „Не осердись“. Кто выйдет из терпения, того вздуют, эта игра, хотя и в грубой форме, относится к нравственной гимнастике» (Всесвятский 1886: 5).

⁴⁶ М. И. Михельсон, трактуя этимологию выражений «концы в воду (и разговора нет)», «в куль да в воду» и «с камнем (в куль) да и в воду», возводит их к существовавшей ранее казни, заключающейся в том, что виновного бросали в реку с камнем на шее, т. е. уничтожали все, что могло о нем напомнить (Михельсон 1994, т. 1: 457). Впрочем, как отмечается в комментарии, этот фразеологизм — «один из самых спорных в этимологическом отношении» (там же, т. 2: 48).

⁴⁷ Укажем на две известные нам работы, которые дают достаточное представление о ритуалах примирения у южных славян: Ровинский 1890; Miklosich 1888 (первая — статья, вторая — подробное исследование вариантов обряда примирения у народов южнославянского ареала). О различных формах примирения вообще см.: Рулан 2000: 170.

ставляются маргинальными, они демонстрируют функциональную зависимость механизмов социальной регуляции от социальной структуры, в которой возникают конфликты.

Разнообразие инстанций примирения в соответствии с обычным правом можно описать как систему фильтров, благодаря которой часть дел о крестьянских конфликтах не доходила до волостного суда. На наш взгляд, сам факт существования такой системы свидетельствует о высокой степени функционального соответствия между характером конфликтов и способами их разрешения и, кроме того, является показателем гибкости системы социальной регуляции в деревне.

Все это не только позволяет видеть в примирении диагностический контекст ссоры, также рассматриваемую в данной работе с точки зрения соотношения структурно-институционального и поведенческого уровней культурного взаимодействия. Цель примирения — восстановление находящихся под угрозой социальных связей на различных участках системы социальных отношений, сохранение их прежней структуры. Необходимость примирения обусловлена тем, что «отношения, которые поддерживают стороны, имеют слишком большое значение для них самих и для общины, к которой они принадлежат, в силу чего община стремится, чтобы конфликту был положен конец» (Рулан 2000: 170).

В типологии французского исследователя Э. Ле Руа, основанием которой служит именно социально-политическая структура, определяющая выбор вариантов урегулирования конфликтов в том и ином обществе, российскую деревню второй половины XIX века следует, скорее всего, отнести к обществам полусложного типа, где «политическая власть отделена от родственной власти», а среди правовых источников представлены как обычай, так и принадлежащий политической власти суд (там же: 162–164).